

Отмечая, что дело, за которое боролся Сент-Амур, стало делом всего университета, лектор не упускает случая отметить, что «университет XIII века крепче стоял за свои права, нежели университет нашего времени: сорок папских булл пали на него, Гильом был изгнан, но его книга, переложённая из латинской прозы на французские стихи, пелась народом»¹⁰².

Победа католицизма, которому удалось на время сделать науку «своей рабыней»¹⁰³, не могла быть окончательной. Перелом приходится на позднее средневековье, когда на историческую арену выходит гуманизм. Его борьбе с реакцией Грановский посвящает многие страницы курса. И хотя ученый лишь в слабой степени улавливает связь между появлением новой мысли и социально-экономическими сдвигами, ограничивая развитие гуманизма преимущественно сферой культуры, он дает яркую картину идейного противоборства эпохи. Лектор выделяет Данте, поэта и мыслителя, «стоявшего... на закраине двух миров» (см. конец лекции 11), называет имена Петрарки, Боккаччо, Пико делла Мирандолы и других, завершая свой рассказ развернутой характеристикой Макиавелли. Грановский считает его «одним из самых страстных и благородных характеров Италии», его «Историю Флоренции» ставит в ряд «с величайшими произведениями всех веков». Воздавая должное политической идее Макиавелли — поборника суверенного национального государства, он четко отделяет эту идею от апологии средств, от «правил, приобретших страшную известность в устах иезуитов» и получивших позднее название макиавеллизма («Безнаказанно таких идей и советов нельзя давать народу...» — заключал Грановский) (см. лекции 12, 13).

Среди предтеч Реформации лектор ставит на одно из первых мест Рейхлина, Эразма Роттердамского и таинственного, тревожного «Письма темных людей» — этот сплав «грубой, подчас... циничной насмешки» с «истинной силой молодости»¹⁰⁴. И сам Гуттен в глазах Грановского — воплощение молодости духа, не знающего страха, идущего навстречу опасностям.

«Позвольте мне пожелать вам, — обращался историк к своим молодым слушателям, — чтобы девизом вашим были слова Ульриха фон Гуттена: наука пробуждается, ум свободен — весело жить! Весело не во имя тех удовольствий, которые доставляет жизнь, а во имя науки и труда»¹⁰⁵.

Таким поборником свободного ума остался в памяти современников и потомков и сам Тимофей Николаевич Грановский — «просветитель своей нации» — по выражению Н. Г. Чернышевского.

Е. В. Гутнова, С. А. Асиновская

¹⁰² ОПИ ГИМ, ф. 345, ед. хр. 19, л. 141.

¹⁰³ Архив АН СССР, ф. 28, оп. 3, № 11, л. 88 об.

¹⁰⁴ ГБЛ, 178, 3598, ХХV, л. 189.

¹⁰⁵ Там же, 3729, л. 330.